

Juan
Gabriel
Vásquez

Volver

La Vista Atrás

Хуан
Габриэль
Васкес

*Оглянуться
назад*

**LIVE
BOOK**

Москва

2025

УДК 82-3
ББК 84
В19

*Published in agreement
with Casanovas & Lynch Literary Agency.*

Дизайн обложки Виктории Лебедевой

В оформлении обложки использованы материалы Shutterstock

Васкес, Хуан Габриэль.

В19 Оглянуться назад : [пер. с исп. Д. Синицыной]. — Москва :
Лайвбук, 2025. — 592 с., ил.

ISBN 978-5-907784-38-3

Васкес написал блестящий роман-ретроспективу на основе реальной биографии режиссера и показал, как большая история вторгается в жизнь конкретного человека, но одновременно жизнь наполняет большую историю множеством смыслов.

В октябре 2016 года колумбийский режиссер Серхио Кабрера приезжает на ретроспективу своих фильмов в Барселоне. Это трудное для него время: только что умер его отец, а отношения с женой находятся в глубоком кризисе. У Серхио есть несколько дней, чтобы оглянуться назад, вспомнить события, которые сделали его тем, кто он есть на самом деле. Гражданская война в Испании, Культурная революция в Китае, партизанская борьба в Латинской Америке — это не просто отвлеченная история, но юность, отданная борьбе за идеалы. Иногда жизнь — это больше, чем затянувшееся приключение. Особенно если человек становится участником исторических событий, которые перевернули мир.

УДК 82-3
ББК 84

© Fotografías interiores: Archivo personal de Sergio Cabrera,
Marianella Cabrera y Carl Crook.

© Juan Gabriel Vásquez, 2020

© Синицына Д. И., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

Livebook Publishing LTD, 2024

ISBN 978-5-907784-38-3

*Посвящается Серхио Кабрере
и Сильвии Жардим Суареш*

А также Марианелле Кабрере

*По нашему мнению, любой роман
должен представлять собой
биографию человека или историю случая,
а любая биография человека или история случая
должна представлять собой роман.*

ФОРД МЭДОКС ФОРД

Часть
первая

*Встреча
в Барселоне*

I

Серхио Кабрера, как он сам мне рассказал, узнал про происшествие с отцом на третий день в Лиссабоне, по телефону. Звонок застал его на площади Империи, в сквере с широкими мощеными дорожками, где его дочь Амалия, которой тогда было пять лет, училась управлять только что подаренным непослушным велосипедом. Серхио сидел рядом с Сильвией на каменной скамейке, но отошел поговорить к выходу из сквера, как будто близость другого человека мешала ему сосредоточиться на подробностях услышанного. Насколько он понял, Фаусто Кабрера сидел на диване в гостиной своей боготинской квартиры и читал газету, но вдруг подумал, что цепочка на входной двери не накинута. Он резко встал и потерял сознание. Найибе, его вторая жена, как раз вошла в гостиную сказать, мол, не утруждайся, сиди,

с цепочкой все в порядке, и успела поймать его, чтобы он не рухнул на пол. Она немедленно позвонила их дочери Лине, которая в тот момент была в Мадриде, а Лина позвонила Серхио.

— Скорая уже едет, — сказала она. — Что будем делать?

— Ждать, — ответил Серхио. — Все обойдется.

Но сам он в это не верил. У Фаусто было отменное здоровье и сил, как у человека на двадцать лет моложе, но все же ему исполнилось девяносто два, а в этом возрасте все сложнее: болезни рискованнее, происшествия опаснее. Каждый день он вставал в пять утра и упражнялся в тайцзицюань, но энергии становилось все меньше; утомленное годами тело требовало все новых и новых уступок. Мозг Фаусто работал кристально ясно, и физические немощи его страшно раздражали. Жить с ним, насколько знал Серхио, стало трудно, дома царило постоянное напряжение, поэтому никто не возразил, когда Фаусто объявил, что собирается съездить в Шанхай и Пекин. Трехмесячная поездка по местам, где он был счастлив и где бывшие ученики из Школы иностранных языков собираются всячески его чествовать. Что может пойти не так? Да, возможно, такое протяженное путешествие в столь почтенном возрасте — не самый благоразумный поступок, но ни одному живому человеку еще не удавалось отговорить Фаусто Кабреру, если уж он что-то решил. Так что он поехал

в Китай, насладился чувствованием и вернулся как раз ко дню рождения. А несколько недель спустя после возвращения с другого края мира не дошел от дивана до входной двери и теперь отчаянно цеплялся за жизнь.

Жизнь, нужно сказать, весьма примечательную. Фаусто Кабрера был выдающимся деятелем, о котором в театральных (а также телевизионных и кинематографических) кругах говорили с благоговением, как говорят о первооткрывателях, хотя путь его не отличался безупречностью и врагов — впрочем, и друзей тоже — у него хватало. Он первым придумал использовать метод Станиславского в декламации стихов, а не только в актерской игре, основал школы экспериментального театра в Медельине и Боготе и однажды осмелился поставить Мольера прямо на арене для боя быков Сантамария. В конце сороковых он вел на радио передачи, которые изменили представление о поэзии, а когда в Колумбию пришло телевидение, стал одним из первых режиссеров и самых знаменитых актеров телетеатра. Позже, в менее спокойные времена, он пользовался репутацией, заработанной на ниве сценических искусств, чтобы прикрывать свою деятельность в рядах колумбийских коммунистов, — многие ненавидели его за это, пока смутные годы не канули в забвение. Молодым поколениям он запомнился в первую очередь по одной роли в кино — в «Стратегии улитки», самом известном и, пожалуй, самом удачном, на собственный

взгляд режиссера, фильме Серхио. Фаусто играл там анархиста-испанца по имени Хасинто, устраивающего в сердце Боготы маленькую народную революцию. Играл так естественно, так уютно вживаясь в шкуру персонажа, что Серхио, когда у него спрашивали про фильм, любил говорить:

— Просто он сыграл самого себя.

Теперь, выйдя из сквера и шагая рядом с Сильвией между монастырем Жеронимуш и набережной Тежу, пока Амалия впереди боролась с велосипедным рулем, Серхио спрашивал себя: не следовало ли ему в последние годы видеться с отцом почаще? В любом случае это было бы нелегко, потому что в его собственной жизни две вещи занимали все время и внимание, так что ни на что другое сил не оставалось. Во-первых, телесериал, во-вторых, попытка спасти свой брак. Сериал рассказывал историю журналиста Хайме Гарсона, друга и единомышленника Серхио, чьи блестящие сатирико-политические программы так насолили крайне правым, что те подослали к нему наемных убийц: в 1999 году Гарсона застрелили, пока он в своей машине ждал зеленого света на перекрестке. Что касается брака, то причины, по которым он рушился, ускользали и от Серхио, и от его жены. Португалка Сильвия была на двадцать шесть лет младше; они познакомились в 2007 году в Мадриде и несколько лет счастливо прожили в Боготе, но потом что-то сло-

малось. Они решили — хоть и сомневались в своем решении, — что лучше всего или по крайней мере спокойнее будет временно разъехаться, и Сильвия отправилась в Лиссабон, но не так, как возвращаются в свою страну, к своему языку, а так, как прячутся переждать бурю.

Серхио как-то жил без них, но чувствовал, что расставание нанесло ему гораздо более сильный удар, чем он осмелился бы признаться. И тогда подоспела возможность, которой он, сам того не осознавая, давно ждал: Фильмотека Каталонии устраивает ретроспективу его фильмов, и Серхио приглашают в Барселону на длинный уикенд, с четверга, 13 октября, по воскресенье. Сначала открытие — обычное мероприятие с шампанским и живой музыкой, где все жмут ему руки и нахваливают. Такие приемы Серхио переносил плохо вследствие природной застенчивости, но никогда не отказывался участвовать, поскольку в глубине души считал, что никакая застенчивость не может оправдать поступков, выглядящих неблагодарностью. А в следующие три дня Серхио будет присутствовать на показах своих фильмов и обсуждать их с заинтересованной эрудированной публикой. Все складывалось наилучшим образом. Он сразу же решил, что примет приглашение в Барселону и заодно заедет в Лиссабон, проведет несколько дней с женой и дочерью, починит то, что сломалось в его семье, или по крайней мере

глубже поймет причину поломки. Организаторы купили ему билеты с учетом этих пожеланий.

Так что, когда 6 октября Серхио приехал в аэропорт в Боготе, он знал, что из Барселоны сразу улетит в Лиссабон. От выхода на посадку позвонил отцу: за всю жизнь ни разу не улетел из страны, не попрощавшись с ним по телефону. «Когда вернешься?» — спросил Фаусто. «Через две недели, пап». — «Ладно, хорошо, тогда и увидимся». — «Да, тогда и увидимся», — ответил Серхио, думая, что они тысячу раз обменивались этими самыми фразами в тысячах звонков, и простые слова перестали быть словами, утратили ценность, как вышедшие из употребления монеты. В аэропорту Эль-Прат его встречал сотрудник фильмотеки, чтобы перехватить ручную кладь. Серхио вызвался привезти в ней все необходимое для ретроспективы: в первую очередь, жесткие диски с фильмами, но и кое-какие фотографии со съемок, и даже пару рукописей сценариев, чтобы можно было показать на выставке. Сотрудник, худощавый молодой бородач в толстых очках с черной оправой и футболке, которая, очевидно, должна была иронично изображать тюремную робу, крайне серьезно взял у Серхио чемодан и спросил, будет ли с ним еще кто-то. «Мы тогда двухместный номер закажем», — пояснил он.

— Приедет мой сын, — сказал Серхио. — Его зовут Рауль. Но в фильмотеке должны быть в курсе.

Это решилось несколько дней назад. Сильвия не смогла бы приехать, даже будь между ними все в порядке: во-первых, ее работа совершенно не терпела отлучек, во-вторых, Амалия должна была вот-вот пойти в новый садик. А раз так, то Серхио просто не мог не пригласить Рауля, единственного сына от предыдущего брака. Мальчик только что начал последний класс школы и в каждом мейле спрашивал, когда они увидятся. С их последней встречи прошло два года, потому что Рауль жил с матерью в Марбелье, лежавшей за пределами обычных перемещений Серхио. Он должен был прилететь в Барселону в четверг после уроков: как раз успеет на открытие, а потом проведет почти полных три дня с отцом, посмотрит те фильмы, которых раньше не видел, и пересмотрит те, что видел, с хорошим звуком и изображением, в нормальном кинозале. К тому же Рауль никогда не бывал в Барселоне, и идея показать ему город одновременно со своими фильмами представилась Серхио странно привлекательной. Как раз об этом он думал, когда самолет сел в Лиссабоне. У выхода его ждала Сильвия, и от ее лучезарной улыбки у него возникло чувство, будто он не прилетел в гости, а вернулся домой. Только потом он увидел, что Амалия тоже приехала его встречать, несмотря на поздний час. Вид у нее был совсем не усталый. Она бросилась к нему на шею, и Серхио сказал себе, что не зря сделал этот крюк.

Ему было так хорошо, что он даже не расстроился, узнав, что авиакомпания потеряла чемоданы. Из трех сданных в багаж в Боготе до Лиссабона добрался только один. Женщина за желтой стойкой развела руками: ничего не поделаешь, придется приехать еще раз в понедельник утром. Но никакие неприятности и утраты не могли отвлечь Серхио от счастья видеть семью. В субботу, гораздо раньше, чем диктовал джетлаг, он пошел гулять с Амалией: она взяла его за руку и повела показывать район Бенфика, сводившийся в ее представлении к улице Мануэла Феррейры ди Андради и любимой кондитерской «Калифа». Серхио купил дочке ее обожаемые крокеты, отвел на день рождения к подружке, слушал, как она поет португальские песни, и сам пытался петь, а в воскресенье события дня повторились, только в компании Сильвии. Вечером он сказал жене: «Я рад, что приехал». И в целом, это была правда.

Когда позвонила его единокровная сестра Лина, Серхио почувствовал себя так, будто реальность двинула его наотмашь по лицу. Утром они с Сильвией съездили в аэропорт забрать чемоданы, а на обратном пути купили Амалии невыносимо розовый велосипед с подсветкой руля и люлькой для куклы на багажнике, а также шлем в тон. Вот почему звонок застал его в сквере на площади Империи, напротив монастыря Жеронимуш. Небо было чистое, вода в Тежу слепила белой рябью, а тротуары так блестели, что у Серхио

заболели глаза и по дороге к машине ему пришлось надеть черные очки. Легкость шага улетучилась, беззаботное счастье от нового велосипеда и удовольствие видеть, как Амалия, сосредоточенно сжав губы, пытается ехать прямо, пошли ко всем чертям.

К дому № 19 по улице Мануэла Феррейры ди Андради они подъехали в семь часов вечера. Серхио вынул из багажника тяжелые чемоданы и покатил к подъезду, а Сильвия отправилась кружить по кварталу в поисках места для парковки. И тут телефон в кармане снова завибрировал, и на экране высветился недавний номер. Нажимая на зеленую трубочку, Серхио уже знал, что сейчас скажет Лина, знал каждое слово, потому что для этого существует очень мало слов. Когда пришли жена с дочкой, он все еще стоял у подъезда, в галерее с мраморным полом и зелеными изразцовыми колоннами, стоял, окаменев, с телефоном в руке — в лицо дул ветерок, рядом, словно два верных пса, притулились чемоданы, — и думал, что, несмотря ни на что, судьба оказалась к нему благосклонна: лучше всего было услышать такую новость именно в этом месте и в этой компании. Он взял Сильвию за руку, подождал, пока Амалия отъедет на велосипеде подальше, и сказал:

— Он только что умер.

В квартире он первым делом закрылся в комнате Сильвии и позвонил своей сестре Марианелле.

Несколько долгих секунд они просто молча плакали в трубку, не нуждаясь в словах: их объединяло пугающее ощущение, что жизнь — не Фаусто Кабреры, а вообще вся — закончилась. Марианелла была на два года младше Серхио, но по каким-то причинам, которых они не понимали, да и не хотели понимать, разница в возрасте совершенно не имела значения — просто случайное число. Возможно, она стиралась из-за личных черт одного и второго: младшая сестра всегда была более дерзкой, более строптивой, более своенравной, а старший брат, напротив, уродился неуверенным и чересчур задумчивым. Но вместе они пережили слишком много всего, причем, казалось бы, совершенно им не предназначенного, и между ними с юности возникла особая связь — связь двух людей, которым ясно, что всем остальным их никогда не понять, и единственный путь к счастью — смиренно признать это. Серхио попытался издали унять печаль сестры и ничего лучшего не придумал, чем рассказать все известные ему подробности смерти отца. Про диван, на котором тот читал газету, про упрямство, подвигнувшее его встать и пойти накидывать уже накиннутую цепочку, про обморок в объятиях жены. Фаусто не дождался скорой. Когда подросли врачи, признаков жизни уже не было. Свидетельство о смерти выдали сразу, в той же гостиной, и теперь Найибе ждала похоронного агента. Все это рассказала ему Лина, напослед-

док выдав одновременно загадочную и напыщенную фразу:

— Он умер стоя, Серхио. Так же, как жил.

Был понедельник, 10 октября 2016 года. Открытие ретроспективы назначили на 13-е, четверг, половину восьмого вечера. Поговорив с Марианеллой, Серхио пустился в расчет времени полетов и пересадок, засел за компьютер сравнивать возможные маршруты от Испании до Колумбии. Разница во времени играла против него, но, если поторопиться, он успеет слетать в Боготу, в последний раз увидеть отца, обнять Найбе и Марианеллу, приехать в Барселону с опозданием всего на день, поучаствовать в ретроспективе, пересмотреть свои фильмы и ответить на вопросы зрителей. Однако вечером, после ужина втроем, Серхио лег на серый диван, и вдруг на него навалилось чувство, которого он раньше не знал. Здесь, в чужой квартире с деревянными полами,— его семья, семья, которая однажды уже от него сбежала. А в Барселоне еще и Рауль ждет. Получается, вся эта поездка — возвращение к родным. И он принял решение, которое тогда не показалось ему таким странным, как потом.

— Я не поеду,— сказал он Сильвии.

Не полетит в Боготу, не пойдет на похороны отца. Ответственность перед фильмотекой — так он скажет тем, кто захочет объяснений,— не оставляет ему времени: нельзя же позволить, чтобы столько труда

и столько финансов, вложенных организаторами в его ретроспективу, пошло псу под хвост. Да, это единственно верное решение. «Мне очень жаль», — скажет он жене отца и не слукавит. У них были довольно теплые отношения, но за долгие годы жизни бок о бок они по большому счету так и не сблизились. Она наверняка не нуждается в присутствии Серхио, а сам он по каким-то причинам, не облакаемым в слова, чувствует, что в Боготе его не ждут.

— Уверен? — спросила Сильвия.

— Уверен. Я долго думал. Мое место с живыми, а не с мертвыми.

О кончине Фаусто Кабреры сообщили все СМИ страны. К тому времени, как поздним пасмурным утром Серхио приземлился в Барселоне, колумбийская пресса пестрела некрологами. Судя по газетам, в Колумбии не было ни единого актера, который не брал бы вместе с покойным уроки мастерства у маэстро Секи Сано, ни единого театрала, который не видел бы на арене для боя быков «Мнимого больного», ни единого телевизионщика, который не поздравил бы Фаусто с премией «Жизнь и творчество», присуждаемой Министерством культуры. Радиостанции откопали старые записи, где Фаусто читал стихи Хосе Асунсьона Сильвы и Леона де Грейффа, а в интернете всплыла статья, несколько лет назад опубликованная Серхио в мадридской

АВС. «Истинный гражданин,— писал он,— не тот, кто всю жизнь с пеной у рта доказывает, что его первая — по рождению — родина лучше всех, а тот, кто пытается сделать лучше принявшую его страну, потому что это самый верный способ прославить землю, где он родился». Социальные сети тоже не остались в стороне: из их недр выползли анонимы, скрывающиеся за высокопарными никнеймами — Патриот, Знаменосец, Настоящий Колумбиец,— припомнили Фаусто его боевое прошлое, участие в маоистской герилье* и высказались в том духе, что хороший коммунист — мертвый коммунист. Серхио непрерывно звонили со скрытых или просто незнакомых номеров, ватсап разрывался от просьб, которые он отклонял вежливо, как только мог. Он знал, что вечно скрываться не получится, но хотел как можно дольше оставаться наедине с воспоминаниями об отце — хорошими и не очень,— которые уже начали вытеснять из головы все остальное.

Фильмотека Каталонии забронировала ему номер в роскошном отеле на Рамбла-дель-Раваль с окнами во всю стену и цветными лампами, но насладиться комфортом он не успел: организаторы немедленно утянули его на приветственный обед в ресторане неподалеку. Впрямую никто не говорил, но Серхио понял, что

* Герилья — вооруженное движение сопротивления в странах Латинской Америки; также отряд участников такого движения. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.*

все уже знают о случившемся: люди, сидевшие с ним за столом, смотрели напряженно и явно прощупывали почву, стараясь понять, сколько именно симпатии им позволено проявить, где проходит граница, за которой улыбка станет неуместной. Еще до десерта директор фильмотеки, приятный большеглазый человек в очках без оправы, густые брови которого ползли вверх почти с нежностью всякий раз, когда речь заходила о кино, взял слово, поблагодарил Серхио за приезд и без обиняков сказал, что они очень рады видеть его в Барселоне, но совершенно не будут возражать, если он решит вернуться в Колумбию: ретроспектива полностью готова, фильмы в фильмотеке, выставка смонтирована, и Серхио вполне может отказаться от участия, чтобы побыть с семьей и проводить отца, они всё понимают. Серхио уже успел присмотреться к директору: Октави Марти сам снял несколько кино- и телефильмов и говорил о великих режиссерах так, как говорят только люди, по-настоящему их понимающие. Иногда казалось, что он видел все фильмы на свете, иногда — что на все фильмы на свете написал по рецензии. Серхио он сразу понравился, но не только поэтому он ответил:

— Нет, я останусь.

— Можешь съездить и вернуться к закрытию, если хочешь. Устроим небольшой фуршет, ты со всеми поговоришь и все.

— Спасибо, но обязательства есть обязательства.

Под конец обеда на стуле справа, пустовавшем до самого кофе, возникла молодая девушка, достала из папки стопку аккуратно сложенных листов и терпеливо, тоном учительницы рассказала, что Серхио нужно будет делать. Расписала все предстоящие интервью газетам, радио и телевидению, сливавшиеся на бумаге в полноводную реку, которую Серхио придется переплыть, как в прежние времена в военных лагерях. Из папки же выпала программа ретроспективы.

13 октября. «Все уезжают» (2015).

Обсуждение со зрителями.

14 октября. «Стадионный переворот» 1998).

Обсуждение со зрителями.

15 октября. «Стратегия улитки» (1992).

Обсуждение со зрителями.

16–19 октября. «Проигрыш – дело техники»

2004), «Илона приходит с дождем» 1996),

«Техника дуэли» (1989), «Орлы не охотятся

на мух» (1994). Показы без участия Серхио

Кабреры.

Серхио подумал, что можно было бы добавить: *Показы в мире, где больше нет моего отца.* Эта мысль его потрясла, потому что призрак Фаусто Кабреры присутствовал в каждом его фильме, а иногда

не призрак, а сам Фаусто во плоти: испанец-анархист, швейцар в матросской ночлежке, священник, служащий панихиду. Ни разу в жизни, с самой первой короткометражки — про эпизод из жизни Александра фон Гумбольдта в Колумбии, — Серхио не выпустил в свет фильма, не спросив себя, что подумает об этом фильме отец. И никогда не задавался вопросом: каково будет смотреть фильмы в этом новом, сиротском мире? Меняются ли вообще фильмы, когда внешний мир, не на пленке, так резко преобразуется? Смотрятся ли по-другому кадры, звучат ли по-другому диалоги, когда уходит человек, благодаря которому они — во многих смыслах — стали возможны? Пока он разговаривал с девушкой, подошел Октави Марти: он заметил, что первые три фильма, те, что будут показаны в присутствии Серхио, идут в порядке, обратном хронологическому, — от самого недавнего к самому старому. Это так нарочно задумано?

— Нет, но пусть так остается, — сказал Серхио с улыбкой. — Взгляд назад — это же и есть настоящая ретроспектива.

Из ресторана он сразу вернулся в отель. Барселонский вечер соответствовал колумбийскому утру — утру похорон. Серхио хотел поговорить с Марианеллой, которой тоже было непросто. В последнее время у них с отцом накопилось много неразрешимых споров, отношения испортились и в конце концов вовсе сошли

на нет. Поэтому, когда она ответила на звонок, ее плач отдавал яростью: теперь, после долгого отчуждения, ей хотелось быть ближе к покойному отцу. Но ей ни о чем не сообщили в момент падения, не признали за ней право на беспокойство, и потом тоже не позвали участвовать в ритуалах смерти. «Мне никто ничего не сказал,— жаловалась Марианелла.— Говорят, я папу забросила, оставила его одного в старости... Они же не понимают, Серхио, ничего не знают и не понимают». Скрытые, невысказанные обиды, каких хватает в любой семье, недоразумения, не вовремя произнесенные или вовсе не произнесенные слова, ложное, выдуманное представление о том, что у другого в голове или в душе,— вся эта хитросплетенная сеть умолчаний работала теперь против покоя, и Марианелла с горечью призналась брату, что тоже не пойдет на похороны.

— Нет, нет,— сказал Серхио.— Ты же там, ты должна пойти.

— А ты? — парировала она.— Ты почему не здесь?

Он не знал, что ответить. Но в конце концов с помощью неясных аргументов ему удалось убедить сестру: мама умерла девять лет назад, сам он за границей, единственный представитель семьи — Марианелла, и она должна пойти.

Тем же вечером он дал первое интервью, прямо в холле отеля. Журналистка сказала, что репортаж будет большим, на последней полосе «Ванггардии»,

а этот формат требует краткого перечисления биографических данных в начале, поэтому Серхио вдруг обнаружил, что его допрашивают, как в полиции: 66 лет, три брака, четверо детей, родился в Медельине, долго жил в Китае, работал в Испании, атеист. Его не удивило, что после допроса последовали соболезнования: «Мне очень жаль, что вашего отца больше нет». А вот собственный ответ застал врасплох: он не ожидал от себя и таких слов, и неприятного ощущения, что проболтался, наговорил лишнего, словно кого-то выдал.

— Спасибо,— сказал он.— Он умер сегодня, и я не смогу поехать на похороны.

Разумеется, он солгал, одним махом убрав двое суток, но в скрипучем кресле отельного холла это не имело значения: маловероятно, что журналистка заметит нестыковку, а если и заметит, то отнесет на счет скорби, состояния дезориентации, в которое мы впадаем, потеряв близкого человека. Но зачем он солгал? Неужели начал стыдиться своего решения не ездить на похороны, как будто стыд — это попутчик, который догоняет нас в путешествии, после того как задержался с отъездом? Журналистка стала спрашивать про отца, испанского политэмигранта в Колумбии, происходившего из семьи военных, которые не поддержали переворот Франко, и Серхио подробно отвечал, но предательские слова о похоронах не переставали его мучить.

— А, так он, значит, жил здесь, — обрадовалась журналистка. — Здесь, в Барселоне?

— Да, но недолго.

— А где именно?

— Не знаю. Он не рассказывал. Думаю, сам не помнил.

Он дал еще два интервью, но от ужина с представителями фильмотеки, извинившись, отказался: он очень устал и хочет побыстрее лечь. «Конечно, конечно, — ответили ему, — завтра начинается самая работа». Поднялся в номер. Толстые оконные стекла не пропускали гвалта компаний, выпивавших внизу под пальмами. Лег, закрыл глаза, надеясь отдохнуть, но не смог. Думал о заданных вопросах и об ответах, которые честно постарался дать, хоть и считал, что говорить о кино необычайно трудно: слова только все запутывают и вызывают непонимание. С другой стороны, сейчас он был очень рад своим обязанностям, потому что они отвлекали от боли и не давали печали подобраться ближе. В интервью он хвалил роман Венди Герры, по которому снял «Все уезжают», много говорил про «Стадионный переворот» — комедию, где герильеро и солдаты заключают перемирие, чтобы спокойно посмотреть футбольный матч, рассказывал про «Проигрыш — дело техники» и дружбу с романистом Сантьяго Гамбоа и в тысячный раз, отвечая на вопросы про «Стратегию улитки», упоминал отца,

который пережил Гражданскую войну именно здесь, в Барселоне, еще до многолетних блужданий в эмиграции, окончившихся Колумбией. Но где, в какой части города он жил? То ли отец не говорил, то ли Серхио забыл.

Уснуть не получилось; усталость, если и была, теперь улетучилась окончательно. Виной тому то ли отголоски джетлага — все-таки он перелетел океан каких-то пять дней назад, — то ли странные волны электричества, проходившие по бессонному телу. Так или иначе, Серхио не мог больше лежать в постели. Он надел пиджак, потому что резко похолодало, посмотрел отельные брошюры и минуту спустя, следуя за посулами рекламных фотографий, уже поднимался на крышу. Там нашел свободный стул и сел любоваться ранней ночью над старым городом, простиравшимся до моря. Облака разошлись, ветерок шевелил салфетки. С высокого стула перед стеклянным столиком, казалось, легко было сорваться прямо на улицу. Серхио не понял, что появилось раньше — бокал красного вина в руках официантки или прежний неловкий вопрос: если от него потребуют объяснений, почему он решил не ездить в Боготу в последний раз увидеть лицо отца, что он скажет? Разумеется, потому что хотел побыть с Сильвией и Амалией и встретиться здесь, в Барселоне, с Раулем. Отлично, но разве это все? Нет ли других причин?

Внизу одно за другим загорались окна Эль-Равалья, слева светилась линия Рамблы*, приковывала взгляд и вела за собой до порта и невидимого памятника Колумбу. В небе видны были огни самолетов, подлетавших к Эль-Прату. Серхио вынул телефон — яркий дисплей нарушил уютные сумерки бара, соседи оглянулись — и проверил ватсап. Двадцать семь сообщений с соболезнованиями, а потом строчка от Сильвии: «Ты как?» Он ответил: «Хорошо. Не буду скрывать, я все время думаю о тебе. Я хочу, чтобы у нас получилось». Пришел ответ: «Сейчас важнее всего думать о папе. Ты думаешь о нем?» Серхио написал: «Да, вспоминаю». Но воспоминания были бесформенные, неясные, они сопротивлялись взгляду, неприятно врывались и все никак не могли окончательно ворваться в спокойный вечер, в это одиночество, которое завтра с приездом Рауля безвозвратно уйдет. «Столько ссор, — написал Серхио. — Мы так много всего делали вместе, и в Китае, и в герилье, и в кино, и на телевидении, но все эти воспоминания, как я ни стараюсь их подсластить, хорошими не назовешь». Он поднял лицо; над городом пролетал очередной самолет, на этот раз ниже, поэтому слышался его далекий гул. «И все-таки я точно знаю и всегда говорю, что я ученик отца. Я никогда бы

* Эль-Раваль — район в Барселоне; Рамбла — бульвар в центре города. — Примеч. ред.

не сделал того, что сделал, если бы не вырос в его мире». Он отложил телефон и снова посмотрел в небо: самолет летел в глубокой выси, на юг, к аэропорту — по крайней мере, Серхио казалось, что аэропорт в той стороне. Телефон завибрировал (наверное, Сильвия ответила), но Серхио не обратил внимания, потому что его взгляд, следивший за крошечными огнями самолета над низкими зданиями, натолкнулся на нечто новое: силуэт горы, лежавшей на горизонте, словно спящее животное, а над ним — тускло подсвеченный замок. В груди что-то запнулось; Серхио был уверен, что никогда в жизни не сидел на этой террасе, да и ни на какой другой в Барселоне, а потому совершенно не понимал, откуда на него навалилось внезапное чувство при виде горы, называвшейся, догадался он, Монтжуик.

Послесловие автора

«Оглянуться назад» — роман, но в нем нет вымышленных событий. Это вовсе не парадокс или по крайней мере не неизбежный парадокс. Мой любимый «Словарь строя кастильского языка» колумбийского лингвиста Руфино Хосе Куэрво так определяет испанский глагол *fingir* — первое значение которого — «притворяться, делать вид»: «Моделировать, разрабатывать, придавать форму чему-либо. В отношении физических объектов типа скульптуры и проч. — вырезать». Именно так я и попытался поступить в этой книге: вырубить фигуру романа из огромного куска горной породы, которым является опыт Серхио Кабреры и его семьи. Этим опытом он делился со мной в течение семи лет; мы записали более тридцати часов интервью. Первое, если верить памяти моего смартфона, состоялось 20 мая 2013 года у меня в студии в Боготе: Серхио начинает с рассказа о сериале, работа над которым

только что завершилась. Частично съемки проходили в доме с привидениями (их Серхио, к его большому разочарованию, увидеть так и не удалось). Потом мы погружаемся в его биографию. Последнее интервью я взял не у него, а у Карла Крука, 10 августа 2020 года, в Zoom. Из дома в Вермонте он показал мне нарукавную повязку хунвейбина, принадлежавшую Марианелле в 1967 году, а в последующие дни любезно перевел для меня несколько фрагментов своего китайского дневника. Между двумя упомянутыми датами я обменялся бесконечным количеством электронных писем и сообщений в мессенджерах с Серхио, Сильвией, Марианеллой и Карлом, получил множество фотографий из их личных архивов, изучал документы, само существование которых было невероятно и являло собой доказательство удивительного упрямства прошлого, писал другие книги и пытался нащупать впотьмах подходящую форму для этой.

К тому времени, когда разразилась пандемия коронавируса, роман уже начал обретать голос и структуру. Теперь я уверен, что именно работа над ним сообщила смысл и дисциплину хаотичным дням карантина и, можно сказать, позволила мне не рехнуться в водовороте центробежной жизни. Иными словами, приводя в порядок чужое прошлое, я открыл самый эффективный способ борьбы с беспорядком своего собственного настоящего.

Эпиграф можно толковать (мне хотелось бы, чтобы толковали) именно с этой точки зрения. Он из предисловия к книге Форда Мэдокса Форда «Джозеф Конрад. Личные воспо-

минания», служившей мне вдохновением и поддержкой, хотя стратегии у нас с Фордом разные. Автор намеревается рассказать нам о жизни своего друга, и полностью фраза эпиграфа звучит так: «По нашему мнению, любой роман должен представлять собой биографию человека или историю случая, а любая биография человека или история случая должна представлять собой роман; и то, и другое, если написано талантливо, являет собой интерпретацию человеческой жизни». Мне нравится идея интерпретации: факты из жизни Серхио Кабреры я именно интерпретировал. Моя работа романиста состояла в том, чтобы придать великолепной магме его жизни и жизни его сестры порядок, отличающийся от примитивного хронологического; порядок, способный приоткрыть значения и смыслы, которых не видно при простом перечислении эпизодов, потому что они принадлежат различным способам познания. В этом и заключается функция романа. Именно это, кажется, понимают под «мо-

ральным воображением»: особое прочтение чужой жизни, наблюдение за ней с последующим истолкованием, проникновение в явное с тем, чтобы добраться до скрытого, тайного. Интерпретация — тоже часть литературного искусства. А реальный у нас персонаж или вымышленный — на практике оказывается деталью излишней и несущественной.

Кроме упомянутых людей, которые подарили мне свое время, поделились своими воспоминаниями — и позволили смоделировать их, разработать, придать им форму, — «Оглянуться назад» многим обязан великодушью Сантьяго Гамбоа, поддержке Пилар Рейес и Марии Линч, редакторскому скальпелю Каролины Лопес и писательскому здравому смыслу Рикардо Сильвы. Для глав о молодом Фаусто Кабрере я пользовался его мемуарами «Одна жизнь, два изгнания», а для восстановления некоторых эпизодов биографии отца Карла — «Автобиографией Дэвида Крука». Многие люди оказали мне косвенную помощь, иногда не подозревая об этом, и я хочу выразить им благодарность (и заодно освободить от всякой ответственности). Это: Эктор Абад Фасиолинсе, Ноора Бетанкур, Хавьер Серкас, Умберто де ла Калье, Гильермо Диес, Хорхе Дрекслер, Лус Елена Эчеверри, Габриэль Ириарте, Карменса Харамильо, Марио Хурсич, Ли Чоу, Альберто Мангель, Хавьер Мариас, Патрисиа Мартинес, Хишам и Диана

Матар, Готье Миньо, Татьяна Ольястри, Моника Рейес и Зэди Смит. Особую роль сыграло присутствие Марианы, которая сопровождала меня в работе над книгой и одновременно сражалась с целой вселенной, обрушившейся на нас в этот чумной год.

ХГВ

Богота, октябрь 2020 года

Оглавление

Часть первая. ВСТРЕЧА В БАРСЕЛОНЕ	7
Часть вторая. РЕВОЛЮЦИЯ В ОТЕЛЯХ	177
Часть третья. СВЕТ И ДЫМ	367
Послесловие автора	586